

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ГЛАЗАМИ «ЦИФРОВОГО» ПОКОЛЕНИЯ

Вилков Александр Алексеевич

- e-mail: vil57@yandex.ru;
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политических наук;
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация

Для цитирования

Вилков А. А. Государственная молодёжная политика глазами «цифрового» поколения в современной России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 19.02.2025
- Статья размещена на сайте 04.06.2025

СТРУКТУРА

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Введение

Проблематика государственной молодёжной политики
в отечественном научном дискурсе

Особенности восприятия «цифровым» поколением
государственной молодёжной политики в современной России

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследовать особенности восприятия основных направлений государственной молодёжной политики в современной России различными возрастными группами провинциальной молодёжи.

Процедуры и методы. Эмпирическую базу исследования составили материалы онлайн-опросов молодёжи (2021 г. n=519; 2022 г. n=2021; 2023 г. n=852; 2024 г. n=924), а также материалы ежегодных фокус-групп с представителями различных возрастных групп молодого поколения.

Результаты. Проведённый анализ позволил выявить тенденцию повышения уровня поддержки государственной молодёжной политики со стороны «цифрового» поколения в современной России. Тем не менее около трети респондентов показали высокую степень неудовлетворённости результатами деятельности государства не только в отношении молодёжи, но и в других важнейших сферах общественной жизни в РФ.

Теоретическая и практическая значимость. Обосновано, что повышение уровня доверия российской молодёжи к государству и основным направлениям его политики возможно в случае комплексного сочетания усилий не только в процессе воспитательной работы с подрастающим поколением, но и в рамках совершенствования всех сфер политического и социально-экономического устройства РФ. В этом случае будут минимизированы риски возникновения противоречий между патриотическим содержанием и направленностью деятельности государственных и общественных организаций в качестве субъектов политической социализации российской молодёжи и тем негативом о российской действительности, который представители молодого поколения воспринимают из различных информационных источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«цифровое» поколение, отношение к государственной молодёжной политике, степень знакомства «цифрового» поколения с различными молодёжными проектами, ведомствами и общественными организациями

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших проблем современной России является поколенческий разрыв в ценностном восприятии государства и основных направлений его политики в различных

сферах общественной жизни. Наиболее концентрированно это восприятие проявляется в отношении подрастающего поколения к самой государственной молодёжной политике. В значительной степени характер восприятия молодёжью данного направления деятельности государства является своеобразной призмой, сквозь которую оцениваются и все другие сферы общественной жизни в современной России.

Целью нашего исследования выступает выявление отношения различных возрастных групп к основным направлениям и новациям государственной молодёжной политики как важнейшего показателя уровня политической лояльности / оппозиционности «цифрового» поколения в современной России.

Эмпирическую базу исследования составили материалы онлайн-опросов молодёжи (2021 г. n=519; 2022 г. n=2021; 2023 г. n=852; 2024 г. n=924), а также материалы ежегодных фокус-групп с представителями различных возрастных групп молодого поколения.

ПРОБЛЕМАТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Само понятие государственной молодёжной политики постоянно находится в фокусе внимания отечественных исследователей. С началом Специальной военной операции (далее – СВО) России на Украине интерес к данной проблематике усилился в связи с многими новациями со стороны государства в отношении данной возрастной группы. Они нашли отражение прежде всего в нормативно-правовой регламентации государственной молодёжной политики. В этой связи Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. №95-ФЗ¹ внёс изменения в Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». Они коснулись содержательного определения молодёжной политики, определённых гарантий в сфере труда и занятости данной возрастной группы, государственных мер поддержки и содействия развитию предпринимательства в молодёжной среде, усиления международного и межрегионального сотрудничества в реализации молодёжной политики.

¹ Федеральный закон от 22.04.2024 №95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220035> (дата обращения: 03.09.2024).

В связи с обострением международных отношений России с США и их союзниками по НАТО исследователи делают акцент на взаимодействии в данной сфере между государствами СНГ. Аббасов Гусейн Аббас оглы, проанализировав особенности государственной молодёжной политики в России, Белоруссии, Казахстане и Азербайджане, пришёл к выводу, что главное отличие состоит в структуре и функциональности молодёжных организаций. Если в России и Азербайджане молодёжные организации активно участвуют в политической жизни страны, то в Казахстане и Белоруссии их деятельность ориентирована прежде всего на социально-экономическое развитие и культурную сферу [1, с. 135–136]. Как представляется, в России и Азербайджане речь идёт о регулируемом со стороны государства политическом участии молодёжи в рамках проправительственных организаций и молодёжных объединений, связанных с системными оппозиционными партиями.

Е. В. Мугаева в рамках анализа современного состояния государственной молодёжной политики в Российской Федерации выделяет различные формы и уровни вовлечённости молодёжи в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь регионов и страны в целом. Для пассивного уровня вовлечённости молодёжи главная задача государственных, муниципальных органов, молодёжных организаций состоит в информировании о возможностях и различных формах участия для самореализации представителей подрастающего поколения. На уровне участия «молодые люди переходят от пассивного к активному потреблению». В этом случае ключевая задача субъектов государственной молодёжной политики заключается в стимулировании молодых людей к взаимодействию с общественными институтами и сообществами. На третьем базовом уровне «партнёрство» выстраиваются «полноценные субъект-субъектные отношения» в рамках участия молодёжи в молодёжном самоуправлении, в различных мероприятиях и проектах [16, с. 92–93]. На наш взгляд, такое разделение носит формальный характер, и в реальной практике реализации государственной молодёжной политики обозначенные задачи решаются всеми её субъектами без выделения конкретных сегментов молодёжной аудитории. Любое мероприятие нуждается в информационном сопровождении, начиная с анонса и заканчивая использованием материалов о его проведении в качестве вторичных информационных поводов. Главная зада-

ча – вызвать интерес и привлечь внимание как можно большего количества представителей молодого поколения.

Не случайно, что теоретико-методологические основания государственной молодёжной политики привлекают всё большее внимание отечественных исследователей. А. А. Крицкая и А. Г. Меликян в своей статье обращают внимание на то, что «методология молодёжной политики не является константой», нуждается в расширении, прежде всего в связи с потребностями обеспечения национальной безопасности [15]. Думается, что это касается не столько методологии, сколько актуализации исследовательского направления в целом.

Помощник депутата Государственной Думы Е. А. Тимофеева в своём исследовании акцент делает на трактовках понятия молодёжной политики, используемого в международных и отечественных доктринах. Она ссылается на «Основы молодёжной политики», которые были разработаны Советом Европы и Европейской комиссией. Оценивая отечественные наработки в данной области, автор констатирует, что «отсутствуют единые теоретико-методологические основы» изучения сферы молодёжной политики и в этой связи нуждаются в модернизации и разработке единых «основ реализации международной молодёжной политики, общей концепции подхода к её осуществлению и определении тенденций международного сотрудничества в данной сфере» [18, с. 44]. На третьем году проведения СВО России на Украине и в условиях фактической гибридной войны США и их союзников против нашей страны автор обосновывает рекомендацию о необходимости разработки таких международных программ, которые предусматривали бы «развитие общепринятых в обществе ценностей, таких как жизнь и здоровье человека (как психическое, так и физическое), природные ресурсы (некоторые из которых незаменимы)» [18, с. 44]. Думается, что гораздо важнее акцент делать на укреплении традиционных ценностей в политической культуре отечественной молодёжи, которые были обозначены в соответствующем Указе Президента Российской Федерации в ноябре 2022 г.² Не случайно, что данная проблематика доминирует в новейших исследованиях молодёжной политики [4; 10; 11; 12].

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.09.2024).

В. В. Зубов в анализе российской молодёжной политики обосновывает использование методологии на основе дихотомии «материального и идеального, где утилитарный аспект сопрягается с материальным, а ценностный – с идеальным» [9, с. 106]. Утилитарный компонент включает деятельность государства по созданию «необходимой материальной и имущественной базы для обеспечения достойного уровня жизни молодого поколения». Ценностный компонент заключается «в генерации усилиями государственного аппарата тех идей, взглядов и представлений общенационального масштаба, которые будут восприниматься молодёжью как руководство к действию. И в первую очередь речь должна идти об идеологии патриотизма» [9, с. 106].

В ряду исследований ценностных основ молодёжной политики проблема патриотизма после начала СВО занимает особое место. Н. В. Корж и Л. Ф. Каримова обратили внимание на то, что социологические замеры уровня патриотизма в различных регионах России свидетельствуют, что позиционирование молодыми людьми себя в качестве патриотов ещё не означает, что каждый из них «готов жить и трудиться в своей стране» [14, с. 85]. Повышение уровня патриотизма авторы справедливо связывают с повышением эффективности функционирования государственных и социальных институтов, которое должно привести к восприятию на личностном уровне существующей политической и социально-экономической системы России как справедливой [14, с. 87].

На морально-нравственной стороне противоречивого ценностного восприятия российского государства и основных направлений его политики делает акцент А. В. Селезнева [17]. По её мнению, «этические представления молодёжи в смысловом отношении характеризуются эклектичностью и неопределённостью (и это в целом соотносится с общим состоянием политического сознания молодёжи – фрагментарным и когнитивно бедным), что в совокупности с устареванием и обесцениванием основополагающих этических категорий долга и ответственности определяет противоречивый, а зачастую даже релятивистский характер политической морали» [17, с. 56]. Аргументированной и обоснованной представляется позиция автора, что наибольшее внимание в изучении данного аспекта в ценностных мотивациях политического поведения целесообразно уделять именно поколению Z как наиболее открытому для деструктивных влияний.

Однако многие исследователи продолжают делать акцент на значимости социально-экономических аспектов в молодёжной политике в современной России. Это особенно характерно для исследователей регионального уровня реализации государственной молодёжной политики в РФ. И. В. Захарова и Д. О. Селезнев на материалах социологического исследования молодёжи Ульяновской области делают вывод, что только 37,6% молодых людей региона трудятся по специальности. Среди причин на первом месте – низкие заработки [7, с. 18]. Исследователь специфики Пензенской области Д. О. Громов также в ряду других приоритетов государственной молодёжной политики выделяет поддержку со стороны государства развития предпринимательской деятельности молодёжи, обеспечения доступа к капиталу и реализации инициатив в этой области [6, с. 55].

Ещё одним исследовательским направлением последних лет является изучение управленческих инициатив в области реализации государственной молодёжной политики. Е. В. Князькова, например, детально проанализировала материалы заседания Государственного Совета РФ от 22 декабря 2022 г., на котором был обсуждён ряд важнейших управленческих решений по молодёжной проблематике. Несмотря на то, что Госсовет выступает «координационным, совещательно-консультативным и аналитическим органом в единой системе публичной власти», его значение в разработке стратегии и тактики, конкретных форм реализации государственной молодёжной политики очень велико [13, с. 84]. На наш взгляд, действительно, очень многие направления, обсуждённые на данном форуме, получили серьёзный импульс и государственную поддержку в последующие два года (финансовая, организационная и информационная поддержка волонтёрских движений; усиление патриотического воспитания в сфере школьного и вузовского образования; профилактика деструктивного поведения российской молодёжи; проведение различных молодёжных конкурсов и их использование в качестве социальных лифтов и рекрутирования кадров, пропаганда здорового образа жизни; стимулирование предпринимателей для подключения к реализации молодёжных инициатив на региональном уровне и мн. др.).

В целом обзор литературы по проблематике государственной молодёжной политики в современной России показал, что акцент исследователи делают на тех новациях, которые данная политика получила в последние три года в условиях СВО и обо-

стрения взаимоотношений с западноевропейскими странами. В рамках нашей статьи приоритет отдан анализу восприятия данных государственных и общественных новаций со стороны различных возрастных групп российской молодёжи.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ «ЦИФРОВЫМ» ПОКОЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На прямой вопрос об оценке правильности молодёжной политики в современной России участники опроса должны были выставить оценки от 0 до 5 баллов, где 0 баллов – это совершенно неправильная политика, а 5 баллов – совершенно правильная. Результаты ответов выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Оценка молодёжью правильности молодёжной политики в современной России / Young people's assessment of the correctness of youth policy in modern Russia

Оценка, баллы	Количество ответов респондентов (%)			
	2021 ноябрь	2022 ноябрь	2023 ноябрь	2024 ноябрь
0 (совершенно неправильное)	74 (14,3%)	258 (12,8%)	64 (7,5%)	64 (7,1%)
1	96 (18,5%)	270 (13,4%)	78 (9,2%)	65 (7,2%)
2	106 (20,4%)	313 (15,5%)	108 (12,7%)	105 (11,6%)
3	117 (22,5%)	510 (25,2%)	221 (25,9%)	176 (19,4%)
4	82 (15,8%)	390 (19,3%)	191 (22,4%)	210 (23,2%)
5 (совершенно правильное)	44 (8,5%)	280 (13,9%)	190 (22,3%)	287 (31,6%)
Всего	519 (100%)	2021 (100%)	852 (100,0%)	907 (100,0%)

От 0 до 2 баллов данному направлению в 2024 г. поставили 25,9% опрошенных (в 2023 г. – 29,4%; в 2022 г. – 41,7%; в 2021 г. – 53,2%). Положительные оценки (4 и 5 баллов) в 2024 г. поставили 54,8% (в 2023 г. – 44,7%; в 2022 г. – 33,2%; в 2021 г. –

24,3%). Участники фокус групп 2024 г. в качестве причин положительной динамики данного направления государственной политики отмечали усиление внимания к проблемам молодёжи и активизацию различных форм работы с молодёжью в области спорта, волонтёрской деятельности, культурно-развлекательных мероприятий и т. д.

Несмотря на то, что в репрезентативном исследовании участниками опросов были все возрастные группы молодёжи (от 14 до 35 лет), для нас особенно важным было выявить отношение к государственной молодёжной политике представителей младших возрастов, которые однозначно могут быть отнесены к так называемому цифровому поколению, или поколению Z [2; 3; 5; 8]. В связи с тем, что среди опрошенных представителей младших возрастных групп значительную долю занимали учащиеся средних общеобразовательных школ, учреждений среднего профессионального образования и вузов, условно их можно обозначить как «школьники» и «студенты». Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Оценка различными возрастными группами молодёжи правильности молодёжной политики в современной России (онлайн-опросы 2021 г., 2023 г. и 2024 г.) / Assessment of the correctness of youth policy in modern Russia by different age groups of young people (online surveys in 2021, 2023 and 2024)

Оценки	Возраст респондентов					
	14–17 лет			18–25 лет		
	2021 г.	2023 г.	2024 г.	2021 г.	2023 г.	2024 г.
0 (совершенно неправильное)	9 (10,7%)	32 (7,2%)	16 (11,9%)	55 (15,4%)	26 (7,0%)	29 (5,4%)
1	11 (13,1%)	44 (10,0%)	5 (3,7%)	63 (17,6%)	32 (8,6%)	49 (6,8%)
2	19 (22,6%)	57 (12,9%)	16 (11,9%)	67 (18,7%)	45 (12,1%)	83 (11,6%)
3	18 (21,4%)	100 (22,6%)	27 (20,1%)	83 (23,2%)	110 (29,6%)	136 (18,9%)
4	21 (25,0%)	106 (24,0%)	35 (26,1%)	56 (15,4%)	75 (20,2%)	170 (23,7%)

Окончание Таблицы 2 / Table 2.

5 (совершенно правильное)	6 (7,1%)	103 (23,3%)	35 (26,1%)	35 (9,8%)	84 (22,6%)	241 (33,6%)
Всего	84 (100%)	442 (100%)	134 (100%)	358 (100%)	372 (100%)	718 (100%)

Материалы таблицы показывают, что в группе «школьников» в 2024 г. оценку от 0 до 2 баллов выбрали 27,5% опрошенных (в 2023 г. – 30,1%; в 2021 г. – 46,4%); в группе «студентов» в 2024 – 23,8% опрошенных (в 2023 г. – 27,7%; в 2021 г. – 51,7%). Примечательно, что респонденты более старших групп были жёстче в своих оценках: в группе 26–30 лет – 31,3%, 31–35 лет – 40,9%.

Однозначно позитивные оценки (4–5 баллов) в группе «школьников» в 2024 г. дали 52,2% респондентов (в 2023 г. – 47,3%; в 2021 г. – 25,2%). В группе «студентов» в 2024 г. – 57,3% (в 2023 г. – 42,8%; в 2021 г. – 25,8%). Эти показатели намного выше, чем у респондентов старших представителей молодёжи, в которых положительные оценки составили в 2024 г. в возрастной группе 31–35 лет – 36,7%, в группе 26–30 лет – 20,0%.

В рамках опроса 2024 г. был введён вопрос, позволяющий оценить восприятие изменений в государственной молодёжной политике в последние годы (табл. 3).

Материалы таблицы показывают, что 73,2% опрошенных признают заметные позитивные результаты государственной молодёжной политики в последние три года. Однако для нас было важно выявить степень знакомства «цифрового» поколения с различными молодёжными проектами, ведомствами и общественными организациями, работа которых поддерживается государством (респонденты должны были оценить уровень своей осведомлённости по шкале от 0 до 5, где 0 – впервые слышу об этом; 1 – что-то слышал, но слабо представляю себе, что это; ... 5 – знаю в деталях, сам принимал в этом участие).

Первый вопрос был нацелен на выявление степени знакомства с Федеральным законом «О молодёжной политике» (табл. 4).

Таблица 3 / Table 3

Оценка изменений в государственной молодёжной политике за последние годы (опрос 2024 г.) / Assessment of changes in state youth policy in recent years (2024 survey)

Варианты ответов		Частота	Проценты
Валидные	Существенные и позитивные: государство стало реально учитывать интересы молодёжи во всех сферах общественной жизни	309	33,4
	Заметные по отдельным направлениям: государство усилило воспитательную и организационную работу с молодёжью	368	39,8
	Серьёзных изменений нет	177	19,2
	Государственная молодёжная политика стала хуже, чем была раньше	64	6,9
	Всего	918	99,4
Пропущенные	Затрудняюсь ответить	6	,6
Всего		924	100,0

Таблица 4 / Table 4

Степень знакомства с Федеральным законом «О молодёжной политике» / Level of familiarity with the Federal Law “On Youth Policy”

Варианты ответов		Частота	Проценты
Валидные	Впервые слышу об этом	189	20,5
	Что-то слышал, но слабо представляю себе, что это	140	15,2
	2	134	14,5
	3	158	17,1
	4	153	16,6
	Знаю в деталях, сам принимал в этом участие	135	14,6
	Всего	909	98,4

Окончание Таблицы 4 / Table 4.

Варианты ответов		Частота	Проценты
Пропущенные	Нет ответа	15	1,6
Всего		924	100,0

Материалы таблицы показывают, что 50,2% опрошенных поставили себе неудовлетворительные оценки знания важнейшего закона, регулирующего их непосредственные интересы. Положительные оценки поставили себе только 31,2% респондентов. Участники фокус-групп подтвердили, что какой-либо целенаправленной работы в школах и вузах по ознакомлению с данным документом они не видели.

Среди организаций важнейшее место занимает Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь). Степень знакомства с его деятельностью выглядит следующим образом (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Степень знакомства с деятельностью Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь) / Level of familiarity with the activities of the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh)

Варианты ответов		Частота	Проценты
Валидные	Впервые слышу об этом	201	21,8
	Что-то слышал, но слабо представляю себе, что это	136	14,7
	2	126	13,6
	3	157	17,0
	4	128	13,9
	Знаю в деталях, сам принимал в этом участие	148	16,0
	Всего	896	97,0
Пропущенные	Нет ответа	28	3,0
Всего		924	100,0

Материалы таблицы показывают, что значительная часть респондентов (50,1%) слабо осведомлена о деятельности данного агентства. Хорошее знакомство с его работой отметили только 29,9% опрошенных. Это означает, что информационное сопровождение деятельности данной организации оставляет желать лучшего.

Подобные показатели в основном характерны и в отношении многих других направлений государственной молодёжной политики.

Степень осведомлённости о федеральных проектах «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», «Социальные лифты для каждого», национальном проекте «Молодёжь и дети» выглядит следующим образом: от 0 до 2 баллов поставили 52,2% опрошенных, тогда как 4–5 баллов – всего 27,3%. Участники фокус-групп в качестве основной причины низкой осведомлённости о данных проектах назвали то обстоятельство, что их информационное сопровождение осуществляется преимущественно на государственных телеканалах, которые представители «цифрового» поколения практически не смотрят.

Показатели знакомства со Всероссийским конкурсом для школьников «Большая перемена» выглядят несколько лучше: неудовлетворительные оценки поставили 35,9% опрошенных, а положительные – 45,8% опрошенных. Фокус-группы показали, что в школах данное мероприятие готовилось и проводилось повсеместно. Однако 15,8% респондентов оценили его на «удовлетворительно».

Уровень осведомлённости о Всероссийском студенческом конкурсе «Твой Ход» выглядит следующим образом: от 0 до 2 баллов поставили 41,9% опрошенных, а 4–5 баллов – 41,0% респондентов, 15,2% поставили «удовлетворительно».

Степень знакомства с проектами президентской платформы «Россия – страна возможностей»: конкурсами «Мой первый бизнес», «Доброволец России», «Лидеры России», «РДШ – Территория самоуправления», международным инженерным чемпионатом «CASE IN», «Абилимпикс», «Маст» – от 0 до 2 баллов поставили 40,6% опрошенных, 4–5 баллов – 32,1% респондентов, 15,4% поставили «удовлетворительно».

Результаты осведомлённости о деятельности АНО «Ассоциация волонтерских центров» (#МЫВМЕСТЕ) выглядят следующим образом: от 0 до 2 баллов поставили 48,3% опрошенных,

4–5 баллов – 31,7% респондентов. 18,2% поставили «удовлетворительно».

Наихудшие показатели имеет степень знакомства с Всероссийским Форумом и премией «Дигория»: от 0 до 2 баллов поставили 67,0% опрошенных, 4–5 баллов – всего 16,5% респондентов. 14,9% поставили «удовлетворительно».

Степень осведомлённости о Всероссийском общественном движении «Волонтёры Победы» выглядит следующим образом: от 0 до 2 баллов поставили 49,9% опрошенных, 4–5 баллов – 30,9% респондентов. 16,9% поставили «удовлетворительно».

В целом материалы опроса показали, что значительная часть государственных и общественных инноваций последних лет не доходит до своего адресата в молодёжной среде. Значительная часть «цифрового» поколения в современной России не только остаётся не охваченной активистской деятельностью, но и оказывается вне поля информационного воздействия молодёжных организаций и других государственных и общественных инициатив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмпирически было доказано, что единых политических характеристик «цифрового» поколения в современной России не существует. Несмотря на наличие определённых универсальных характеристик, обусловленных активным использованием интернет-ресурсов и «цифровых» технологий, достаточно значимую роль в формировании мировоззрения данного поколения продолжают играть традиционные институты политической социализации. Кроме того, важное значение продолжают играть факторы, дифференцирующие «цифровое» поколение в зависимости от места проживания, уровня образования, социального статуса, материального положения, степени вовлечённости в общественно-политическую жизнь страны и т. д. Данная специфика сказывается на восприятии молодёжью различных направлений государственной политики в современной России.

Тем не менее материалы репрезентативного опроса позволили констатировать, что по сравнению с исследованием 2021 г. уровень положительных оценок государственной молодёжной политики вырос во всех возрастных группах, и прежде всего у школьников и студентов. Объясняется это тем, что

школы и вузы (и, соответственно, учителя и преподаватели) институционально чётко вписаны в структуру государственного управления. Поэтому они обязаны реагировать на директивные документы соответствующих министерств, которые реализуют различные направления государственной молодёжной политики. Однако наряду с позитивными результатами проводимых воспитательных мероприятий со школьниками и студентами возникают и проблемы, обусловленные возрастанием нагрузки на учителей, преподавателей и самих учащихся. Особенно ярко это проявляется в увеличении отчётности перед различными ведомствами, в том числе регионального уровня. Например, региональный комитет по делам молодёжи считает себя вправе требовать отчёты от преподавателей вузов о проведённых мероприятиях по формированию патриотизма у студентов, по укреплению традиционных ценностей, по борьбе с коррупцией, с радикализмом и терроризмом и т. д. Причём форма этих отчётов обязательная и отличается от тех, по которым вузы отчитываются перед Министерством науки и высшего образования.

Ещё одна группа факторов, положительно влияющих на позитивное восприятие государственной молодёжной политики, обусловлена усилиями государства по социально-экономической поддержке молодёжи (льготная ипотека, материнский капитал, содействие трудоустройству, грантовая поддержка молодёжных инициатив и бизнес-проектов, организация досуга и оздоровления и др.). Однако остающийся достаточно высоким уровень недовольства государственной молодёжной политикой (четверть опрошенных представителей «цифрового» поколения) во многом обусловлен также социально-экономическими мотивами. Это особенно характерно для группы «студентов», недовольных размером стипендии, которая делает их зависимыми от родителей или вынуждает значительную часть времени тратить на подработки. Значимость социально-экономических факторов в мотивации оппозиционных настроений подтверждается тем, что положительные оценки (4–5 баллов) деятельности государства в данной сфере дали только 22,9% «школьников» и 14,0% «студентов».

Не случайно, что уровень оппозиционности к действующей власти со стороны представителей «цифрового поколения» продолжает оставаться в целом достаточно высоким – его продемонстрировали около трети респондентов. Не последнюю

роль в формировании оппозиционных настроений играет идеологический фактор, особенно для сторонников либеральных ценностей в молодёжной среде. Именно данный идеологически мотивированный сегмент российской молодёжи становится идеальным расходным материалом для инспирированных извне радикальных экстремистских действий, для управляемых протестных движений и цветных революций. В отличие от «либералов», сторонники «левого» идеологического сегмента молодёжи демонстрируют большую лояльность в отношении СВО, к внешней политике современной России, к официальному курсу на укрепление традиционных ценностей.

В контексте оптимизации государственной молодёжной политики важно учитывать, что отсутствие рациональной осознанности разрушительных последствий борьбы с государством и его институтами, стремление к демонстрации своего молодечества и бесстрашия, максимализм в оценках действия властей присущи не только оппозиционно настроенной молодёжи в современной России. Психологические возрастные особенности вполне могут стать доминирующими мотивами конформистского поведения части «цифрового» поколения в условиях инспирированного извне обострения общественно-политической ситуации в стране.

В целом проведённый анализ исследований проблематики государственной молодёжной политики в условиях обострения международных отношений показал, что вектор научных дискуссий целесообразно сместить в сторону актуализации ответственности государства за уровень гражданского сознания и патриотизма подрастающего поколения. Речь идёт не только о более эффективном воспитательном воздействии государственных и общественных институтов в сфере образования и культуры. В этом направлении уже есть существенные государственные новации в самых разных областях общественной жизни современной России, которые дают определённые позитивные сдвиги в формировании политической культуры и гражданской ответственности российской молодёжи. Но эти усилия будут недостаточны без сущностных изменений основ политического и социально-экономического устройства современной России, для того чтобы оно воспринялось подрастающим поколением как справедливое и отвечающее их интересам. Сегодняшний акцент на том, что Россия является флагманом борьбы за сохранение традиционных ценностей и

многополярное мироустройство, имеет важное значение, но не решает проблему в целом. Негативным фактором выступают колоссальные разрывы в уровне доходов российского населения, в уровне социально-экономического развития российских регионов. На уровень осознанности и действенности патриотизма у российской молодёжи особенно негативно влияет повсеместная коррупция на всех уровнях власти в современной России. Периодические официальные разоблачения коррупционности столичных и региональных чиновников различного уровня, высших чинов в Министерстве обороны РФ свидетельствуют не только о серьёзности и масштабах государственной борьбы с данными преступлениями, но также о порочности сложившейся в постсоветской России системы в целом.

Ключевой изъян был обусловлен тем, что в стремлении разрушить советскую плановую социалистическую систему на основе создания нового класса собственников «демократическая» власть не просто закрывала глаза на нарушение ею же принимаемых законов, но и активно сама участвовала в преступных действиях в различных сферах общественной жизни. Принцип «всё продаётся и всё покупается» действовал негласно, но повсеместно (в электоральных процессах, в политической, экономической и социальной сферах, в судебной системе, в СМИ, в сфере образования, в здравоохранении и т. д. и т. п.). Текущее официальное внимание к проблеме миллионов мигрантов, незаконно получивших право на российское гражданство, на трудоустройство, на социальные выплаты, – лишь один из примеров масштабности коррупции, в которую вовлечены самые разные российские чиновники, государственные и общественные структуры.

Одними правоохранительными и репрессивными действиями данную проблему разрешить невозможно. Повышение уровня доверия российской молодёжи к государству и основным направлениям его политики возможно в случае комплексного сочетания усилий не только в процессе воспитательной работы, но и в рамках совершенствования всех сфер политического и социально-экономического устройства РФ. Назревшими видятся шаги по реформированию и очищению правовой и судебной системы, по внедрению более справедливой дифференцированной налоговой системы, по реальным изменениям в процессе создания суверенной системы высшего и среднего образования, по изменению стратегии культурной государ-

ственной политики и информационного сопровождения деятельности государства и его институтов. В этом случае будут минимизированы риски возникновения противоречий между патриотическим содержанием и направленностью деятельности государственных и общественных организаций в качестве субъектов политической социализации российской молодежи и тем негативом о российской действительности, который представители молодого поколения воспринимают из различных информационных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббасов Г. А. Формирование и развитие молодежной политики в контексте транснациональных процессов: возможности и вызовы // PolitBook. 2023. №3. С. 135–136.
2. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
3. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27. №4. С. 65–69.
4. Вилков А. А., Шестов Н. И., Казаков А. А. Идеино-ценностные основы политической культуры провинциальной молодежи. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2024. 184 с.
5. Гаврилова Ю. В. Цифровое поколение: тенденции становления и особенности развития // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. №13. С. 99–114.
6. Громов Д. О. Государственная молодежная политика в Российской Федерации и субъектах РФ (на примере Пензенской области) // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. №1. С. 51–55.
7. Захарова И. В., Селезнёв Д. О. Цели и принципы региональной молодежной политики // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. №3. С. 14–24.
8. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. №476. С. 146–158.
9. Зубов В. В. Молодежная политика современной России сквозь призму ценностного измерения // Власть. 2024. Т. 32. №2. С. 105–110.

10. Казаков А. А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. №2. С. 185–195.
11. Казаков А. А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №1. С. 114–120.
12. Казаков А. А., Вилков А. А., Шестов Н. И. Потребление социально-политической информации молодежью Саратовской области как фактор формирования политических установок и предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. №3. С. 3–34.
13. Князькова Е. В. Приоритеты стратегии молодежной политики в современной повестке дня // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. №2. С. 82–92.
14. Корж Н. В., Каримова Л. Ф. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. №4. С. 80–89.
15. Крицкая А. А., Меликян А. Г. Методологические аспекты реализации государственной молодежной политики в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. №2. С. 197–202.
16. Мугаева Е. В. Современное состояние государственной молодежной политики в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2024. №4. С. 92–93.
17. Селезнева А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. №3. С. 47–60.
18. Тимофеева Е. А. Теоретико-методологические основы изучения государственной молодежной политики в условиях развития демократического государства // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. №4. С. 40–46.

ARTICLE INFORMATION

Author

Alexandr A. Vilkov

- e-mail: vil57@yandex.ru,
Dr. Sci. (Political Science), Prof., Head of Political Science Department,
Saratov State University
ul. Astrakhanskaya 83, Saratov 410012, Russian Federation

For citation

Vilkov A. A. State youth policy in modern Russia through the eyes of the "digital" generation. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study peculiarities of perception of the main directions of state youth policy in modern Russia by different age groups of provincial youth.

Methodology. The empirical base of the article consisted of materials of four online surveys of youth (in 2021 n=519; in 2022 n=2021; in 2023 n=852; in 2024 n=924), as well as materials of annual focus group interviews with representatives of different age groups of the younger generation.

Results. The conducted analysis revealed a tendency towards increasing support for state youth policy from the "digital" generation in modern Russia. Nevertheless, about a third of respondents showed a high degree of dissatisfaction with the results of the state's activities not only in relation to young people, but also in other important areas of public life in the Russian Federation.

Research implications. It is substantiated that increasing the level of trust of Russian youth in the state and the main directions of its policy is possible in case of comprehensive combination of efforts not only in the process of educational work with the younger generation, but also in the framework of improving all areas of political and social-economic structure of the Russian Federation. In this case, risks of contradictions between the patriotic content and focus of the activities of state and public organizations as subjects of political socialization of Russian youth and negativity about Russian reality that representatives of the younger generation perceive from various information sources will be minimized.

Keywords

'digital' generation, attitude to state youth policy, degree of familiarity of the 'digital' generation with various youth projects, departments and public organizations

References

1. Abbasov, G. A. (2023). Formation and development of youth policy in the context of transnational processes: opportunities and challenges. In: *PolitBook*, 3, 135–136 (in Russ.).
2. Bogacheva, N. V. & Sivak, E. V. (2019). *Myths about "Generation Z"*. Moscow: NIU VSHE Publ. (in Russ.).
3. Brodovskaya, E. V. (2019). Digital citizens, digital society and digital citizenship. In: *The Authority*, 27, 4, 65–69 (in Russ.).
4. Vilkov, A. A., Shestov, N. I. & Kazakov, A. A. (2024). *Ideological and value foundations of the political culture of provincial youth*. Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N. G. Chernyshevskogo Publ. (in Russ.).
5. Gavrilo, Yu. V. (2022). Digital generation: trends of formation and development features. In: *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*, 13, 99–114 (in Russ.).
6. Gromov, D. O. (2024). State youth policy in the Russian Federation and its constituent entities (using the Penza region as an example). In: *Bulletin of Penza State University*, 1, 51–55 (in Russ.).
7. Zakharova, I. V. & Seleznev, D. O. (2023). Goals and principles of regional youth policy. In: *Paradigms of management, economics and law*, 3, 14–24 (in Russ.).
8. Zinurova, R. I., Nikitina, T. N., Fatkhullina, L. Z. (2022). Social practices and socio-psychological characteristics of Generation Z (based on the results of a focus group research. In: *Tomsk State University Journal*, 476, 146–158 (in Russ.).
9. Zubov, V. V. (2024). Youth policy of modern Russia through the prism of the value dimension. In: *The Authority*, 32, 2, 105–110 (in Russ.).
10. Kazakov, A. A. (2024). Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth]. In: *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 24, 2, 185–195 (in Russ.).
11. Kazakov, A. A. (2022). Value of justice in the perception of modern youth. In: *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 22, 1, 114–120 (in Russ.).
12. Kazakov, A. A., Vilkov, A. A. & Shestov, N. I. (2022). Socio-political segment of media consumption of modern youth living in the Saratov region as a factor in the formation of political attitudes and

preferences. In: *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*, 3, 3–34 (in Russ.).

13. Knyazkova, E. V. (2023). Youth policy strategy priorities in the modern agenda. In: *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 23, 2, 82–92 (in Russ.).
14. Korzh, N. V. & Karimova, L. F. (2022). The problem of patriotism among modern youth in the context of geopolitical tensions. In: *Science. Society. State*, 10, 4, 80–89 (in Russ.).
15. Kritskaya, A. A. & Melikyan, A. G. (2024). Methodological aspects of the implementation of state youth policy in Russia. In: *State and municipal management. Scholar notes*, 2, 197–202 (in Russ.).
16. Mugaeva, E. V. (2024). The current state of state youth policy in Russia. In: *Innovative economy: prospects for development and improvement*, 4, 92–93 (in Russ.).
17. Selezneva, A. V. (2022). Political morality of modern Russian youth: values, representations, attitudes. In: *Research result. Sociology and management*, 8, 3, 47–60 (in Russ.).
18. Timofeeva, E. A. (2023). Theoretical and methodological foundations for the study of state youth policy in the conditions of the development of a democratic state. In: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 13, 4, 40–46 (in Russ.).